

его провожают благословения митрополита Киприана и игумена Сергия; ему предсказана „прозорливым старцем“ Сергием победа; Сергий дает ему своих „оружниц“ — иноков Пересвета и Ослябю, вооружая их „в тленных место — нетленным оружием крестом христовым на скимах“. „Великое божие милосердие“ приводит на помощь Дмитрию братьев Ольгердовичей. Чудеса и видения предсказывают победу.

„Чудесного“ — церковного так много в Сказании, что даже перед битвой, когда татары смотрели на приближающееся русское войско, „божьим промыслом много видеша людей, и поведаша царю своему, яко четверицею множае их“, ¹ хотя известно, что московское войско было почти вдвое малочисленнее, чем рать Мамаю. ² Верный своему замыслу, автор заставляет князя Владимира Андреевича приписать победу помощи всех, кому молился перед походом Дмитрий: „по милости божи и пречистой его матери и молитвами сродник наших Бориса и Глеба и Петра московского святителя и игумена Сергея и всех святых молитвами врази наши побеждени суть, а мы спасохомся“.

Так последовательно проведенная точка зрения автора, напоминавшего постоянно о том, что всеми событиями управляют божественные силы, — не могла, конечно, способствовать сближению Сказания с устным эпосом и вообще с фольклором.

Но все же каждая из позднейших редакций по-своему, больше или меньше, вовлекает в оцерковленное изложение устный материал, то в виде предания об исторических фактах (например о посольстве Захарии Тютшева) или фантастических подробностях (предание о приметах, предсказавших победу), то в форме эпически обработанных деталей повествования (поединок Пересвета с печенежином, описание боя). Не будучи в состоянии изменить общий характер всего „Сказания“, эти эпические эпизоды отвлекали внимание читателя от нравоучительной тенденции повествования и, надо думать, немало способствовали популярности в читательской среде именно этой повести о Куликовской победе.

Но как ни обильно вошла религиозная дидактика в композицию всех версий Сказания о Мамаевом побоище, однако главные герои Куликовской битвы — русские воины — не затронуты той религиозной чувствительностью, какой наделен в Сказании предводитель всего русского войска — великий князь московский. В эпитетах и сравнениях воины определяются со стороны их воинских доблестей, но не христианских добродетелей — они „аки соколи“, „яко златозарнии орли“, „уношенные соколи“, их сердца „аки лвом“, „русские удалци“, „удалые молодцы“, „люди доблии, удалые“, „русские сановитые богатыри“, „нарочиты богатыри“, „нарочитые и крепкие, ведомые, удалые мужи“,

¹ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 23.